

ФЕНОМЕН ВЛАСТИ: ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

Намечаются основные направления построения новой концепции власти, преодолевающей недостатки сложившихся в истории социально-философской мысли и получивших признание в современных исследованиях двух моделей описания феномена власти. Отстаивается идея (в противоположность устоявшимся мнениям и концепциям), согласно которой власть предшествует субъекту, поэтому ее основание следует искать за пределами отношения «правитель – подчиненный».

Существующие ныне концепции власти поражают своей многочисленностью и разнообразием. Показательно, что почти все политические мыслители прошлого, говоря о власти, не дают ей четких дефиниций: «Тот же Макиавелли, совершенно очарованный игрой власти над человеком, в рассуждениях о ней был склонен, скорее, прибегать к ярким эпитетам и сравнениям, чем искать более или менее строгие определения» [1. С. 146]. Даже на современном этапе развития философской и политической науки не удалось достигнуть более или менее приемлемого консенсуса в трактовке самого понятия власти.

С одной стороны, признается, что власть – это возможность удовлетворения честолюбивых амбиций и своекорыстных притязаний одних индивидов через подчинение и использование других в своих целях, проявляющаяся в расколе общества на господ и подданных, с другой стороны, власть – это, то, «что зовет к существованию и вообще удерживает в бытии публичную сферу», условие реализации желания «жить вместе», средство социальной интеграции и кооперации [2. С. 265]. В работе «Власть: концептуальный анализ» отечественный исследователь власти В.Г. Ледаев обращает внимание на существование двух традиций в концептуальном анализе власти, которые признаются большинством исследователей и условно могут быть названы, как «власть над» и «власть для» [3]. Е.В. Осипова в своей статье «Власть: отношение или элемент системы?» также говорит о существовании двух подходов к определению власти, выделяемых западными исследователями, называя их, соответственно, реляционистскими и системными концепциями власти.

Реляционистские концепции, или концепции «власть над», понимают власть как межличностное отношение, позволяющее одному индивиду изменять поведение другого, «властные отношения интерпретируются в них прежде всего как отношения двух партнеров, воздействующих друг на друга в процессе интеракции» [4. С. 66]. Тракуемая таким образом власть превращает подчиненных ей людей в средства достижения своих целей, вынуждая их в своих действиях руководствоваться чужой волей – волей властвующих. Как справедливо замечает Т. Болл в своей статье «Власть», «власть убеждать» или «власть для блага другого» в таком случае не могут быть включены в понятие «власть» [5. С. 36–42].

Что же касается системных представлений, или концепций «власть для», то власть в них – не принадлежность индивида, а безличное свойство политической системы, неравномерное распределение привилегий внутри которой влияет на взаиморасположение социальных субъектов – их субординацию и, соответственно, наделение их большими или меньшими полномочиями – властью.

В данной статье мы пытаемся обратить внимание на важный аспект проявления феномена власти, который не фиксировался представителями концепций «власть над» и «власть для». Этот аспект существования власти обусловлен ее противостоянием другой власти, в этом смысле власть есть всегда противостояние, но не своим подданным. А именно на этом отношении – «власть и ее подчиненные» – концентрируют свое внимание представители указанных выше концепций. Если в релятивистских концепциях инициативной стороной властеотношения является властвующий, то в системных концепциях акцент делается на роли, которую играют во властеотношениях принявшие («снизу») эту власть индивиды.

Исследуя философские основания конфликтной стороны властеотношения как проявления силы, анализируя его в ракурсе противостояния – соотношения с другими силами, мы предлагаем рассмотреть новую концептуальную схему власти и, следуя установившейся традиции, дать ей условное наименование «власть против». Власть в этом смысле не отождествляется с бинарной структурой взаимодействия социальных агентов в неразрывном сочетании господства и подчинения, а представляет собой условие трансцендирования субъективности властвующего. Снятие оппозиции «правитель – подчиненный» ориентирует нас на совершенно иное видение проблемного поля власти, позволяя через разведение понятий «господство» и «власть» определить новое направление теоретической проработки проблемы легитимности.

МАКС ВЕБЕР: ДВЕ КОНЦЕПЦИИ ВЛАСТИ («ВЛАСТЬ НАД» И «ВЛАСТЬ ДЛЯ»)

Реляционистское направление исследования власти связано с именем М. Вебера. В начале XX в. Макс Вебер определил власть как способность индивида осуществлять свою волю вопреки сопротивлению. «Власть означает любую возможность проводить внутри данных социальных отношений собственную волю даже вопреки сопротивлению, независимо от того, на чем такая возможность основана» [6. С. 53]. Особенность предложенного Вебером подхода к определению власти состоит в акценте на волевом воздействии, которое оказывают одни индивиды или группы на другие. Власть рассматривается как межперсональная конструкция и является атрибутом социальных отношений.

Веберовский подход к определению власти оказался весьма плодотворным: дав в свое время импульс развитию релятивистской концепции власти, он и сегодня пользуется популярностью, получая поддержку современных философов и социологов. Так, Р. Даль считает, что власть дает возможность одному человеку заста-

вить другого делать то, что он по своей воле не сделал бы. Согласно Р. Далю, власть – это такие «отношения между социальными единицами, когда поведение одной или более единиц (ответственные единицы) зависит при некоторых обстоятельствах от других единиц (контролирующие единицы)» [7. С. 213]. П. Блау также сохраняет момент принудительности в понимании власти, характерный для М. Вебера, и воспроизводит такие качественные характеристики власти, как способность осуществлять свою волю над другими, преодоление неизбежного сопротивления, использование страха, вознаграждения, наказания и пр. [8]. Суть власти при этом сводится к социальному отношению, при котором люди, имеющие право распоряжаться другими людьми, и те, которыми распоряжаются, находятся во взаимной, но «асимметрически структурированной связи» (О. Массинг).

Эта линия – взгляд на власть как на межперсональную конструкцию – наиболее четкое выражение нашла в концепции Х. Ласуэлла, для которого власть есть межличностная ситуация. Книга Х. Ласуэлла и Э. Кэплэна «Власть и общество» [9] внесла серьезный вклад в исследование власти и стала, по оценке Д. Болдуина, «водоразделом между старыми, еще интуитивными и двусмысленными трактовками власти и четкостью и ясностью более поздних дискуссий» [10. С. 129]. Власть рассматривается Ласуэллом и Кэплэном как вид влияния на деятельность других людей с помощью использования (или угрозы использования) строгих мер в случае неповиновения. Помимо работ названных исследователей власти, феномен «власть над» описан в работах таких современных авторов, как Э. Гидденс, С. Льюкс. Согласно классификации Е.В. Осиповой, теория «сопротивления» представлена в трудах Д. Картрайта, Дж. Френча, Б. Ревена и др., теория «обмена ресурсами» – в работах П. Блау, Д. Хиксона, К. Хайнингса и др., теория «раздела зон влияния» – в исследованиях Д. Ронга и др. Среди отечественных исследователей власти, как указывалось выше, релятивистскую концепцию развивает В.Г. Ледаев, он определяет власть как «способность субъекта обеспечить подчинение объекта в соответствии со своими намерениями» [3. С. 58]. Релятивистская модель «власть над кем-то» рассматривается исследователями как «конфликтная» модель, т.к. власть в ней трактуется как асимметричное отношение, преимущественно конфликтного характера, где один из субъектов обладает способностью воздействия на другого, невзирая на нежелание последнего повиноваться.

Однако уже сам М. Вебер осознавал односторонность подобного подхода к определению власти. Концентрация внимания только на моменте силового давления одного участника социального взаимодействия на другого в целях осуществления своей воли и игнорирование при этом готовности подчиниться последнего искажают природу властных отношений. По собственному признанию Вебера, его понятие власти «социологически аморфно», т.е. лишено четкости и дифференцированности. В дальнейшем, в работе «Экономика и общество», М. Вебер заменяет «социологически аморфное» понятие «власть» понятием «господство». Господство, как отношение между двумя агентами,

предполагает в каждом из них наличие согласия, заинтересованности и участия в нем. Именно поэтому господство у Вебера является глубоко укоренившимся и институализированным феноменом, закрепленным системой социальных отношений, и содержит тот смысл, что те, над кем господствуют, приемлют это господство. Если власть истолковывается им как возможность реализации властной воли, то господство – это уже реализованная властная воля, т.е. возможность, превращенная в действительность. Таким образом, Веберу удалось зафиксировать аспект проявления феномена власти особой важности, который на протяжении веков являлся источником ее мистификации, чиня препятствия ее теоретической проработке и концептуализации. Это момент признания власти подчиненными ей индивидами.

Итак, феномен власти в интерпретации М. Вебера демонстрирует следующий парадокс. Действительно, в зависимости от ситуации мы говорим о власти того или иного конкретного агента – о власти отца над детьми, власти господина над своими рабами, власти начальника над подчиненными, т.е. мы говорим о власти, которая проявляется в возможности распоряжаться, отдавать команды и т.д. лицу, которое не может в силу каких-то причин не подчиниться (при этом зачастую не желает, сопротивляется и т.д.). Однако на самом деле, и на это указывает Вебер, такой власти не существует. Подчинение власти обусловлено не только, а может быть, и не столько возможностями самого властвующего, сколько признанием необходимости подчинения со стороны подвластного. Таким образом, существуют предпосылки, делающие подчинение власти неизбежным. Как только мы пытаемся понять, чем же обусловлена власть того или иного агента, размышляет Вебер, мы сталкиваемся с господством различного рода институтов, обычаев, традиций, условностей, которые в конечном итоге и обуславливают саму возможность властвования. Поэтому власть, считает Вебер, не может быть истолкована как абстрактная возможность реализации воли, или, иначе говоря, как реализация абстрактных интересов, без соотнесения последних с возможностями, которыми располагает система в целом или же ее конкретные социально-политические структуры. Власть, таким образом, является демонстрацией некоторой расстановки сил в обществе в их взаимодействии и соподчинении, представляет собой вектор, задающий направление взаимовыгодного участия в достижении поставленных каждым из социальных контрагентов целей.

Этот важный аспект проявления феномена власти в дальнейшем нашел наиболее полное выражение в концепциях «власть для» – в исследовании власти как средства коммуникации, что характерно для таких социологических концепций, как теория структурно-функционального анализа Т. Парсонса, теория коммуникации Х. Арендт, теория систем Н. Лумана и др. «Возможно, – пишет Н. Луман, – наиболее важное новшество теории средств коммуникации в сравнении со старыми теориями власти состоит в том, что она... не склонна приписывать власть как некое качество или способность никому из партнеров властных отношений... С этой точки зрения власть приобретает исключительное значение для теории общества» [11. С. 29].

В социологической теории Т. Парсонса власть рассматривается как генерализированное средство обмена наряду с другими средствами, такими как деньги, влияние и ценностные пристрастия. Аналогично деньгам, являющимися посредником в экономических операциях, власть выступает средством упорядочивания политических процессов. Власть понимается здесь как аналогичный деньгам посредник, циркулирующий внутри того, что называется политической системой. Т. Парсонс отвергает идею, согласно которой власть является формой спонтанного (произвольного, не обусловленного диспозицией социальных отношений) силового подчинения, «обеспечением исполнения некоего желания... простой угрозой превосходящей силы». Властью в парсоновском смысле может быть названа только обобщающая способность обеспечить послушание, «генерализованная возможность достижения подчинения», но ни в коем случае не единичный акт санкционирования, который в состоянии навязать субъект власти. «Подчинение с помощью угрозы использования силы, независимо от того, обязан объект подчиняться или нет, не является осуществлением власти, – подчеркивает Парсонс. – К власти, в моем понимании, относится только генерализованная возможность достижения подчинения, а не единичное санкционирующее действие, которое субъект способен осуществить, и средства подчинения должны быть символическими» [12. С. 103].

Х. Арендт, как и Т. Парсонс, отделяет власть от «индивидуального акта команды–подчинения» и рассматривает ее как принадлежащую не индивидам, а коллективам. Согласно представлениям Арендт властью собственно никто не обладает, она возникает среди людей, когда они действуют вместе, и исчезает, как только они снова рассеиваются. Власть способна возникнуть лишь в «бытии–друг–с–другом» (Х. Арендт), настолько тесном, чтобы постоянно держать открытой возможность действия. Отдельные индивиды не имеют власти и не осуществляют власть: они обладают только силой. При этом Арендт делает акцент на различии власти и насилия, предупреждая о недопустимости их отождествления. Именно насилие проявляет себя в способности навязать свою волю другому, в то время как власть «возникает, когда равные собираются вместе», она «означает способность человека не столько действовать самому, сколько взаимодействовать с другими людьми» [2. С. 266].

Власть при этом не может основываться на насилии, которое способно лишь разрушить ее, но не занять ее место. Комбинацией безвластия и насилия является такая государственная форма правления, как тирания. Эта «государственная форма основана на тех человеческих свойствах и способностях, которые, как бы легитимны они не были, прямо противоположны политическому существу человека, его плюрализму и человеческому бытию–друг–с–другом; она таким образом по своей сути неполитична» [2. С. 268]. Более того, «тирания активно мешает возникновению власти..., через присущую ей изолирующую силу она порождает безвластие так же естественно, как другие государственные формы разнообразными путями порождают власть» [2. С. 268].

Таким образом, следует признать, что влияние Вебера сказывается не только на концепциях власти, получивших условное название «власть над», выделяющих «командно-подчиненный» аспекте ее проявлений. Взгляды Вебера оказали серьезное воздействие также и на развитие «системных» концепций власти («власть для»), рассматривающих власть как свойство или функцию социальной системы. Более того, для самого Вебера наиболее предпочтительным направлением исследования власти было второе, «системное». Именно поэтому, на наш взгляд, такое серьезное внимание Вебер уделял исследованию основных видов признания власти – исторических типов господства – «традиционного», «харизматического» и «рационального».

Классификация типов господства выявляет мотивационные основания властного подчинения, отрицая тем самым трактовку власти как недвусмысленно внешней субъекту, навязанную ему против его воли. Выведенная Вебером типология иллюстрирует идею, согласно которой подчинение всегда мотивировано, является результатом выбора субъекта и воспринимается им как необходимое и желаемое в смысле реализации поставленных им же самим целей. «Господство» (Herrschaft) обусловлено наличием «господина» (Herr). Смысл понятия «господин» выражается в том, что господин может рассчитывать на подчинение тех, кто теоретически должен ему повиноваться. Различие между властью и господством заключается в том, что случае власти приказ не есть законная необходимость, а подчинение не обязательно долг, тогда как во втором случае подчинение основано на признании приказов теми, кто им подчиняется. Поэтому власть в трактовке Вебера совпадает по смыслу с определением «насилия», данного Ханной Арендт, как принуждения к действию через силу и давление, в то время как понятие «господства» оказывается тождественным понятию «власти» в концепции Т. Парсонса и в теории социальной активности вышеупомянутой Х. Арендт.

ПАРАДОКС «ФОРМЫ И СИЛЫ», ИЛИ ТАК ЛИ УЖ БЕСКОНФЛИКТНА ПРИРОДА ВЛАСТИ?

Если верно, что властное подчинение всегда носит мотивированный характер (в противном случае – это насилие), то рассмотрение и анализ власти в трактовке Вебера как «способности подчинять вопреки сопротивлению» и как «формы давления» теряют свою теоретическую привлекательность в силу нетипичности для социальной реальности. Власть–насилие – этот нонсенс, исключение, являющееся особенностью, по преимуществу, межличностных контактов бытового плана, но отнюдь не проявлением социального взаимодействия индивидов как носителей социальных ролей и функций. В таком случае общественно нормальным и теоретически обоснованным представляется рассмотрение власти как символически генерализованного средства и ее отождествление с легитимной властью (establishment power) в рассмотренных выше концепциях Арендт и Парсонса.

Такая трактовка власти вызывает возражения в частности у критиков трудов Парсонса, которые объяв-

ляют ее морально и интеллектуально абсурдной в силу того, что она не учитывает жестокость и своекорыстие власть предержащих. Н. Луман, защищая позицию Парсонса относительно понятия власти, признает, что, конечно же, социология может и должна интересоваться феноменами жестокого и своекорыстного применения власти. Тем не менее, нельзя оспаривать тот факт, подчеркивает Луман, что «институционализация утвердившейся легитимной власти является феноменом гораздо большего общественного значения, нежели жестокость и своекорыстие власть имущих... проблема эгоизма власти как исторически, так и теоретически является вторичной проблемой. Она уже предполагает наличие бинарной схематизации, дифференцирующей должностное и реальное положение дел, право и беззаконие, конформистское и девиантное поведение» [11. С. 30–32]. Иначе говоря, легитимное насилие структурно вписывается в организацию нормализованной власти и неотделимо от выполняемых ею функций. Более того, его осуществление санкционировано общественным признанием и принимается всем обществом.

Однако существование легитимного насилия показывает, что даже та власть, в основе которой лежит добровольное подчинение в силу различных мотивов (по Веберу их три: «традиционное», «харизматическое», «рациональное»), нуждается в принуждении по отношению добровольно ее принявших. Таким образом, если мы вслед за представителями системных концепций власти, например вслед за Х. Арендт, будем называть властью «общую силу, которая является результатом желания жить вместе» и которая существует лишь до тех пор, пока действует это желание, то нам придется столкнуться с политическим парадоксом, на который, в частности, обращает внимание Поль Рикер: конфликтом между формой и силой, возникающим при установлении политической власти. Суть этого парадокса в следующем: действительно, с одной стороны, мы склонны определять государство как ««организацию», благодаря которой «историческое сообщество способно принимать решения», с другой – было бы нецелесообразно исключать из понятия Государства «монополию легитимного насилия» (Вебер). «Разумеется, – пишет Рикер, – прилагательное “легитимное” не позволяет отождествлять имеющуюся в распоряжении государства силу с насилием. Однако существует связь между этой силой и историческим насилием, применяемым основателями империй и объединителями территорий...» [13. С. 53].

Однако парадокс формы и силы является не единственным, как замечает Рикер, и, вероятно, не самым значимым. «Наряду с ним, а может быть и на его основе, обнаруживается другой парадокс, который по-своему раскалывает саму власть, а именно – соотношение между вертикальным и иерархическим измерением господства и горизонтальным и всеми поддерживаемым измерением желания жить вместе. ...Вопрос состоит в том, возможен ли иной “теолого-политический” принцип, который создаст горизонтальное измерение власти и подчинит ему вертикальное измерение господства... Как бы то ни было, задача, которая, вероятно, останется невыполнимой, состоит в том, чтобы правильно соединить вертикальное и горизонтальное измерения, господство и власть» [13. С. 54].

Итак, суть парадокса между формой и силой состоит в том, что, с одной стороны, государство представляет собой организацию, посредством которой политическое сообщество принимает решения в своих собственных интересах. С другой стороны, эти решения не могут быть решениями всех членов сообщества, а являются «в конечном счете, чьим-либо решением: индивида или нескольких индивидов, представляющих высшую власть народа». Однако существует, как считает Рикер, и еще один, более значимый, парадокс, раскалывающий саму власть: «желание жить вместе» – «горизонтальное измерение господства» – нуждается, как это ни странно, в принуждении, в вертикальном и иерархическом измерении господства, существующем в форме государственного легитимного насилия.

Таким образом, согласно рассуждениям П. Рикера, власть парадоксальным образом сочетает в себе два момента – релятивный и системный, которые, будучи в своей основе взаимоисключающими характеристиками, представляют власть как единый феномен. При этом если Рикер сосредоточивает свое внимание на природе легитимированного насилия, осуществляемого политической властью, то для Лумана факт признания власти является следствием осуществленного выбора одним из партнеров межличностного взаимодействия и не представляет собой особой теоретической проблемы. Н. Луман исследует насилие, которое вынуждена применять институализированная власть в обществе, реагируя на различные формы покушения на ее законность. Имеются в виду, во-первых, различные виды злоупотребления властью, и, во-вторых, нарушение установленного властью порядка – преступное, девиантное, поведение, или просто неподчинение власти. Именно подобные формы сопротивления власти обуславливают необходимость применения легитимного насилия, как считает Луман. Однако возникает законный вопрос: чем объясняется подобное сопротивление власти, если само подчинение ей носит вполне обоснованный мотивированный характер? На самом деле Н. Луман не уходит от этого вопроса.

Осуществляемое властью принуждение принимается подчиненным как результат осуществляемого им выбора. Физическое насилие является атрибутом власти, обеспечивая сильному большую надежность в преследовании своих целей. Опирающаяся только на силу власть вырождается, она исчезает. «Nemo ad praecise factum cogi potest» («Никто не может до конца подчиняться принуждению» – гласит древнеримское судебное изречение). Физическое насилие поэтому не может пониматься просто как «последнее средство» на шкале усиливающегося давления со стороны власти. Оно оставляет за собой функцию подтверждения права власти диктовать свою волю. Подчинение власти является свидетельством признания ее в качестве «права». Именно поэтому насилие всегда сохраняло и продолжает сохранять свою специфическую, соотношенную с властью природу. («Отсюда вытекает требование совместности силы и права и одновременно понимание того, что сила и право не являются идентичными друг другу. В основе же возникшей в эпоху софистов и постоянно возобновляющейся дискуссии о “праве сильного” лежит слишком уж упрощенная теория власти»

[11. С. 103].) Точнее, следовало бы сказать о праве право, которое и есть сила, удваивающаяся применением физического насилия.

Таким образом, Н. Луман приходит к выводу, что распространенное представление о противоположности между консенсусом и принуждением ошибочно. Принуждение не исключает консенсуса. Бесспорно, что властитель, прежде чем применять насилие, должен позаботиться о консенсусе, который является выражением признания власти в качестве «права». Однако подобное положение дел не умаляет роли насилия в осуществление власти, которое, помимо всего прочего, доказывает способность власти быть властью – справиться с теми задачами, которые она перед собой ставит. Следовательно, согласно выводам Н. Лумана, выявление двух противоположных полюсов единого измерения власти, ее парадоксальности, по определению П. Рикера, свидетельствует не столько в пользу «расколотости» самого феномена «власть», сколько демонстрирует своеобразное функционирование ее механизма – амбивалентную природу власти. В итоге, необходимость принуждения, по Луману, объясняется тем выбором, который осуществляет подчиняющийся власти «Эго». Ведь властитель нужен подчиненному для того, чтобы через него – через его распоряжения – проводить в жизнь свои решения. В признании власти, таким образом, уже заложено согласие на осуществляемое ею принуждение.

Достигнутая таким образом ясность, тем не менее, не является абсолютной; вопрос о преимуществах властной позиции и, соответственно, естественности сопротивления подчинению остается открытым. Это объясняется тем, что основным интересом Лумана, как и Парсонса, является система в целом, а не индивид в системе: его (Лумана) интересует, как система контролирует своих субъектов, а не то, как и почему субъект соглашается с этим контролем, создает и сохраняет систему. Как справедливо замечает переводчик книги «Власть» Ф. Антоновский, общество у Лумана состоит не из людей, а из коммуникаций – событий, сменяющих друг друга во времени. Субъект социального действия, осуществляя выбор в пользу того или иного решения, неизбежно оказывается в позиции «или-или» – «Альтер» (властвующий) или «Эго» (подвластный). Поэтому принципиальной разницы между позициями властвующего и подвластного не существует – они образуют структуру присоединяющихся друг к другу и структурно соотносящихся элементов. В итоге получается всего лишь, что «для сильных насилие менее неприятно, чем для слабых» (Н. Луман), и вопрос, в чем преимущества позиции властвующего, остается без ответа.

ВЛАСТЬ АВТОРИТЕТА ИЛИ АВТОРИТАРНОСТЬ ВЛАСТИ? ПРИНУЖДЕНИЕ, НАСИЛИЕ, КОНФЛИКТ

Анализ власти, осуществленный Н. Луманом, во-первых, устраняет существующую противоположность позиций, рассматривающих власть или как «власть над», или же как «власть для». По Н. Луману, власть одновременно является средством выражения воли властвующего и формой реализации мотивированных

ожиданий подчиненных субъектов. Во-вторых, власть сохраняет двойную контингентность, т.е. она не может быть «приписана одному из партнеров, как дар или собственность», поскольку власть имущий при формировании власти является не менее значимым, чем ее объект, и не в меньшей степени подвергается влиянию проявлений собственной власти. С точки зрения системного подхода, представленного концепцией Н. Лумана, власть рассматривается в качестве свойства системы, как безличный принцип связи элементов системы в целом. Подобный подход к исследованию власти оправдан, на наш взгляд, в той лишь мере, в какой речь идет о власти политической, структурирующей социальное целое как систему – об авторитете.

Анализ власти, проведенный Н. Луманом, демонстрирует следующее: во властеотношении «господин – подчиненный» существует некоторое напряжение, но не конфликт. Собственно конфликт, или, в терминологии Н. Лумана, насилие, возникает в случае отклонения от выполнения субъектами властеотношения взятых на себя обязательств, в случае злоупотребления властью, или в случае невыполнения ее требований (распоряжений «Альтера») подчиненными субъектами (тогда и возникает необходимость в применении санкций, физического принуждения).

Итак, если основной аргумент представителей концепций «власть над», обосновывающих конфликтный характер власти, состоит только в том, что власть осуществляется над людьми вопреки их желаниям и интересам, и поэтому она вынуждена прибегать к санкциям и насильственному принуждению, то анализ власти Лумана разбирает этот аргумент и доказывает, что принуждение отнюдь не является доказательством насильственного характера власти. Принуждение свидетельствует лишь в пользу того факта, что в сложившихся условиях для индивида (или группы) наиболее приемлемым вариантом поведения является подчинение.

Таким образом, сопоставление различных подходов концептуального анализа власти позволяет сделать следующий вывод. Принудительный аспект (командный характер) отношений «господство – подчинение», на котором настаивают в большей или меньшей степени представители подхода «власть над», является лишь выражением признания власти со стороны ее подчиненных. Таким образом, признание принуждения в качестве необходимого и желательного не содержит в себе никакого парадокса. Принуждение не равно насилию в том смысле, какой вкладывала в понятие насилие Ханна Арендт. Такой вывод был сделан нами на основе анализа концепции власти Лумана. Солидаризируясь в решении этого вопроса – возможности существования принуждения на основе признания – с представителями концепции «власть для», мы, тем не менее, не разделяем позицию ее представителей в отношении бесконфликтной природы социального взаимодействия, формой которого является «несиловая» модель власти. Современные теоретики социального конфликта склонны утверждать, что конфликт представляет собой жизненно-мировую универсалию существования общества. «Пусть мысль о том, что конфликты есть везде, где мы имеем дело с социальной жизнью, неприятна и тревожна; тем не менее она необходима для на-

шего понимания социальных проблем» – отмечает Р. Дарендорф [14. С. 357]. Собственно говоря, конфликтный характер взаимодействия индивидов в социуме никогда не был тайной для философов и социологов, изучающих социальную реальность. Такой исследователь творчества Вебера, как Р. Бендикс утверждает, что исходная позиция Вебера состоит в том, что всякое общество можно понять как состоящее из позитивно и негативно привилегированных статусных групп, которые озбочены, прежде всего, тем, чтобы сохранить в неизменности или упрочить влияние ныне сложившегося «стиля жизни» путем установления социальной дистанции и исключительности, с одной стороны, и монополизации экономических возможностей – с другой. Тем не менее, по справедливому замечанию Р. Дарендорфа, подобные интуиции не оказали заметного влияния на представителей структурно-функционального анализа в социологии. В результате «основное течение социологической мысли, начиная от Конта – через Спенсера, Парето, Дюркгейма и Макса Вебера – и заканчивая Толкоттом Парсонсом, слишком безоговорочно высказалось в пользу порядка и поэтому справилось со всевозможными проблемами конфликтов весьма неудовлетворительно» [14. С. 371].

Р. Дарендорф критикует традицию равновесной модели общества и обосновывает значимость конфликта в социальной жизни. С точки зрения конфликтной модели общества спланируются не посредством консенсуса, а с помощью принуждения, не через всеобщее согласие, а путем контроля одних над другими. Р. Дарендорф приходит к выводу, что конфликты в обществе проистекают из стремления одних групп, лишенных причастности к власти, изменить существующие условия таким образом, чтобы получить доступ к авторитету-власти. В этой связи власть, или, точнее, господство, является центральной категорией социальной теории, она «оказывается неравным образом распределенной и поэтому остается непрерывным источником противоречий» [14. С. 412]. Что же касается легитимности, то она есть «в лучшем случае непрочный перевес господства над рождаемым сопротивлением» [14. С. 413].

НА ПУТИ К «ВЕЧНОМУ МИРУ»: УСТОЙЧИВАЯ ГАРМОНИЯ КОНФЛИКТА

На примере рассмотренных нами концепций власти мы смогли убедиться, что представление о ее конфликтной природе весьма устойчиво. Откуда же берется такое стойкое представление о конфликтной природе власти, о силе, располагая которой властвующий достигает могущества противостояния всем внешним давлениям? На самом деле подобные представления о власти небеспочвенны. Более того, можно говорить о существовании целой традиции в истории философии, позволяющей придерживаться подобного взгляда на вещи.

Речь идет, прежде всего, об антикартезианской традиции в физике, на которую ссылается А. Данто, традиции, нашедшей отражение не в философии Нового времени, а в философии «воли к власти» Ф. Ницше, получившей свое наиболее полное воплощение. Если основным естественно-научным понятием для Декарта было понятие протяженности, то Кант считал, что тело

занимает пространство не благодаря протяженности, а благодаря интенсивности. «Материя, – пишет Кант, – есть подвижное, которое наполняет пространство. Наполнять пространство – значит противиться всему подвижному, стремящемуся посредством своего движения проникнуть в то или иное пространство...» [15. С. 90]. В разделе «Антиципации восприятия» «Критики чистого разума» Кант определяет массу в терминах интенсивности материи, занимающей конкретное пространство. Мудрость природы дает о себе знать и в мире социальном. Антагонизм между людьми в обществе является средством, к которому прибегает природа в целях обеспечения развития всех задатков людей. В работе «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» Кант пишет, что если бы человечество было лишено непривлекательных самих по себе свойств необщительности, порождающих сопротивление, на которое каждый неизбежно должен натолкнуться в своих корыстолюбивых притязаниях, если бы люди жили как аркадские пастухи в условиях полного согласия, довольства и взаимной любви, то все таланты оставались бы навсегда скрытыми в зародыше, «поэтому да будет благословенна природа за неуживчивость, за завистливое соперничающее тщеславие, за ненасытную жажду обладать или же господствовать» [16. С. 12]!

В философии Г.В.Ф. Гегеля антикартезианская традиция получает свое дальнейшее развитие. Гегель разработал дефиницию врага, что по большей части избегали делать философы Нового времени: враг есть нравственное (но не в моральном смысле, а сточки зрения «абсолютной жизни» «вечного в народе») различие как подлежащее отрицанию чужое в его живой тотальности. «Такое различие есть враг; и различие, положенное в соотношение, существует одновременно в качестве его противоположности бытию противоположностей, в качестве “ничто” для обеих сторон в равной степени есть риск борьбы» [17. С. 331]. Понять это явление было бы невозможно, если бы человеческая действительность сводилась только к *Mitsein* («Бытие», «со-бытие» – термин Хайдеггера), основанному исключительно на солидарности. Много, напротив, проясняется, когда вслед за Гегелем обнаруживаешь в самом сознании фундаментальную потребность по отношению к любому другому сознанию: мыслить себя только в противоположении. Только себя субъект полагает как существенное, а все остальное – несущественным, объектом.

В философии Ницше это положение получает более жесткое и последовательное воплощение. Существование вообще мыслится в терминах динамических количеств и измеряется интенсивностью «воли к власти» и «власти». А. Данто обращает внимание на то, что вещь в философии Ницше есть не что иное, как сумма «ее» воздействий, и «если мы элиминируем эти воздействия, желая понять вещь такой, какова она “на самом деле”, то никакой вещи просто не останется» [18. С. 263]. Не только мы суть воля к власти. Во всем мире, в человеческом и животном мире, в мире одушевленном и материальном, нет ничего более элементарного и вообще ничего иного, чем это стремление и его разновидности. «Я представляю, что каждое специфическое тело, пишет Ницше, – стремится к тому, чтобы овладеть всем пространством, возможно шире распростра-

нить свою силу (его воля к власти) и оттолкнуть все то, что противится его расширению» [19. С. 264]. Если воспользоваться предложением А. Данто и заменить «настораживающий термин «тело» понятием «направленная вовне сила», то сила (тело) будет распространяться вовне вечно и сможет занять все пространство, если только какая-нибудь внешняя сила не остановит ее распространение. Размеры занимаемой каждой силой территории – области пространства – зависят от того, с какими противобойствующими силами она встречается и борется по ходу территориальной экспансии. В итоге эти направленные вовне силы – силовые центры, или, как иногда их называет Ницше, центры власти, постоянно либо увеличивают свою власть, либо теряют ее. «Количество власти характеризуется действием, которое оно производит, и действием, которому оно оказывает сопротивление. Здесь нет адиафории (равнодушие, безразличие). ... В сущности, имеется только воля к насилию и воля защищать себя от насилия. Не самосохранение: каждый атом производит свое действие на все бытие, – мы упраздним атом, если упраздним это излучение воли к власти. Поэтому я называю его некоторым количеством «воли к власти» [19. С. 296].

Позиция Ницше позволяет выявить важный аспект проявления феномена власти, который не фиксировался представителями концепций «власть над» и «власть для». В философии «воли к власти» Ф. Ницше происходит снятие оппозиции «правитель – подчиненный» в интерпретации власти. Власть как «воля к власти», «как направленная вовне сила» обнаруживает себя в той возможности противостояния – соотношения с другими силами, которая и определяет ее существование как некоторой целостности. Ницшеанская интерпретация власти дает, на наш взгляд, основание продолжить ряд рассматриваемых нами концептуальных схем и рассмотреть власть в силовом аспекте противостояния – «власть против», заменяя оппозицию «властитель – подчиненный» на оппозицию «властитель – властитель».

ОТ «ПОЛИТИКИ» ВРАЖДЫ К «ЭКОНОМИКЕ» ПОДЧИНЕНИЯ

В современной французской философии от структурализма до «новых левых», воспринявшей идеи генеалогического исследования власти Ницше, власть рассматривается как принципиально децентрализованное образование, специфика власти проявляется в том, что она – «езде». Эта «ездесущность» власти задает ее новое видение как лишнего цели самоорганизующегося процесса взаимоориентации, конфликтующих отношений, пронизывающих силовыми полями весь социум. «Власть против» проявляет себя лишь в состязании и соперничестве с другими центрами власти – силовыми центрами, поэтому, по выражению М. Фуко,

не следует искать некоей центральной точки, очага суверенности, из которого расходились бы эти линии силы, ничего подобного просто не существует. «Власть повсюду; не потому, что она все охватывает, но потому, что она отовсюду исходит... власть – это не некий институт или структура, которой некто был бы наделен: это имя, которое дают сложной стратегической ситуации в обществе» [20. С. 193].

Таким образом, конфликтная сторона власти, которая в качестве неотъемлемого элемента входила в характеристику отношения «господство – подчинение» в рассматриваемых нами релятивистских и системных концепциях, в философии власти Ницше оказалась вынесенной «вовне», за скобки этого отношения и стала проявлением способности власти к самоосуществлению, результатом «самоуполномочения власти на превосхождение себя самой» (М. Хайдеггер). Роль принуждения при этом состоит не в оказании воздействия на подчиняющихся индивидов в целях неукоснительного следования распоряжениям властителя, а в устранении притязаний на отвоеванное властью пространство. Смысл принуждения – в удержании и закреплении отвоеванного в борьбе за господство. Мощь власти, ее жизнеспособность – в постоянном потреблении, устранении и поглощении противостоящих ей сил. Власть – это знак существования, и, сообразно этому, принуждение не может быть рассмотрено в качестве средства власти самого по себе. Оно приобретает значение средства власти благодаря бытию, которое его использует и представляет собой результат ее самоорганизующегося самодовлеющего начала.

В статье была предпринята попытка анализа противостояния двух моделей описания феномена власти, каждая из которых, неизбежно расширяя горизонт представлений этого сложного феномена, обнаруживает, тем не менее, известную недостаточность. Так, недостатком силовых концепций «власть над» является то, что они игнорируют момент признания власти, утверждая наличие конфликта внутри властеотношения между субъектом и объектом. Преимущество системных концепций «власть для», напротив, заключается в том, что они обосновывают идею легитимности власти, ее признание со стороны подчиненного субъекта. При этом, не замечая конфликта вообще, они обладают тем недостатком, что из их поля зрения выпадает момент противостояния субъектов в борьбе за власть, являющийся неотъемлемым атрибутом власти во всех ее проявлениях. Противостояние и дополнительность этих двух моделей описания властных отношений задают перспективу формирования новой концепции власти, способной избежать указанных недостатков. По нашему мнению, эта концепция могла бы быть сформулирована в границах силовой модели «власть против», вырастающей из описанной нами традиции обобщенного антикартезианства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильин М.В., Мельвил А.Ю. Власть // Полис. 1997. № 6.
2. Арент Х. Vita active, или О деятельной жизни. СПб., 2000.
3. Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. М., 2001.
4. Осипова Е.В. Власть: отношение или элемент системы? (реляционистские и системные концепции власти в немарксистской политологии) // Власть: Очерки современной политической философии Запада. М., 1989.

5. Болл Т. Власть // Полис. 1993. № 5.
6. Weber M. Economy and Society. N.Y., 1968. Vol. 1.
7. Dahl R. The Concept of Power // Behavioral Science. 1957. Vol. 2.
8. Blau P. Exchange and power in social life. N.Y., 1964.
9. Lasswell H., Caplan A. Power and society: A framework for political inquiry. New Haven, 1950.
10. Baldwin D. Paradoxes of Power. N.Y., 1989.
11. Луман Н. Власть. М., 2001.
12. Parsons T. Power and the Social System // Power / Ed. by Steven Lukes. Oxford, 1986.
13. Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика. М., 1995.
14. Дарендоф Р. Тропы из утопии. М., 2002.
15. Кант И. Метафизические начала естествознания // Кант И. Соч.: В 6 т. М., 1966. Т. 6.
16. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Кант И. Соч.: В 6 т. М., 1966. Т. 6.
17. Гегель Г.В.Ф. Система нравственности // Политические произведения. М.: Наука, 1978.
18. Данто А. Ницше как философ. М., 2001.
19. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М., 1994.
20. Фуко М. Воля к знанию // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 15 января 2008 г.